

Антонова Вера Ивановна, Голяков Андрей Николаевич

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ К. АБРАМОВА "СТЕПАН ЭРЪЗЯ"

В статье актуализирована одна из наиболее интересных и сложных, но, в то же время, малоизученных проблем в мордовской литературе - проблема художественного осмысления мужских и женских образов в романе-трилогии известного мордовского писателя К. Г. Абрамова "Степан Эрзя". Целью работы является выявление органической взаимосвязи, взаимозависимости между категориями "мужские и женские образы" и "национальное своеобразие". Авторы подчеркивают, что скрупулезное, бережное отношение писателя к мужским и женским персонажам усиливает эффект "национальной константы" (этноментального, социокультурного фона отображенного времени) произведения, являющейся приоритетным фактором динамики профессионального становления главного героя, национального своеобразия его творчества; позволяет четче проявиться писательскому таланту в социокультурном пространстве творчества мордовских прозаиков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 316. 346. 2 : 182-3 (470.345)

В статье актуализирована одна из наиболее интересных и сложных, но, в то же время, малоизученных проблем в мордовской литературе – проблема художественного осмысления мужских и женских образов в романе-трилогии известного мордовского писателя К. Г. Абрамова «Степан Эрзя». Целью работы является выявление органической взаимосвязи, взаимозависимости между категориями «мужские и женские образы» и «национальное своеобразие». Авторы подчеркивают, что скрупулезное, бережное отношение писателя к мужским и женским персонажам усиливает эффект «национальной константы» (этноментального, социокультурного фона отображенного времени) произведения, являющейся приоритетным фактором динамики профессионального становления главного героя, национального своеобразия его творчества; позволяет четче проявиться писательскому таланту в социокультурном пространстве творчества мордовских прозаиков.

Ключевые слова и фразы: гендерный ряд; идея; народ; национальная константа; образ; роман-трилогия; эрзя.

Антонова Вера Ивановна, д. филол. н.

Голяков Андрей Николаевич

Мордовский университет имени Н. П. Огарева

belkich@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ К. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЗЯ»

Роман «Степан Эрзя», посвященный великому скульптору, – новаторская трилогия как с позиции социального рассмотрения, так и с позиции событийного осмысления. Особую роль в раскрытии замысла писателя, в отображении национального колорита играют гендерные персонажи. Образ Степана Эрзи – образ, являющийся центром произведения, вокруг которого происходят многочисленные события, развиваются и разрешаются сюжетные линии; все соотнесено с главным героем: факты, явления, семья, коллеги-художники, скульпторы. Одним из важнейших средств отображения облика Эрзи в романе-трилогии является аналитическое воссоздание национальной константы – социально-духовного, нравственного, а также бытового ракурсов эпохи, в которой проживал свою судьбу мастер. Художественным фоном главного героя послужил, в данном случае, разноплановый ряд «второстепенных» образов, «из конкретных судеб которых организуется мир национальной действительности» [1]. Именно на их фоне «разыгрывается» социально-историческое действие произведения, в процессе которого происходит развитие и профессиональное становление гения с мировым именем, «мордовского Родена».

Изображая жизнь Степана Эрзи (Нефедова) в качестве жизненной хронологии будущего гения, который вошел в историю как представитель мировой культуры, К. Абрамов прекрасно понимал, что подобные образы в силу своей духовно-нравственной детерминанты нельзя рассматривать в отрыве от социокультурного опыта народа, из которого он «вышел», а также вне общечеловеческих связей его сущностной константы со всем миром. Иными словами, в образе Эрзи выкристаллизовывается не только художественная суть его таланта, но, прежде всего, национальная культура, взаимопересекающаяся с культурой народов всего мира.

Тяжелая судьба талантливой личности в произведении истолковывается писателем как проявление социальной драмы, которую автор разрешает на фоне национальной основы. Идея национального творчества в романе развивается и утверждается в конфликте блестящего таланта главного героя Степана Эрзи на фоне многочисленных гендерных персонажей с их жизнью, бытом, социальными коллизиями. К. Абрамов реалистически отражает динамику тяжелого жизненного пути героя, родившегося в мордовской глуши, к академическим вершинам общемирового искусства. На протяжении всей жизни Степану Нефедову приходится преодолевать немислимые трудности: обман, унижения, нищету, разочарования, предательства. Все это наложило определённый негативный отпечаток на мироощущение героя, но, вместе с тем, следует подчеркнуть, что именно трудности, которые преподносила ему жизнь, помогли персонажу выстоять, выработать в себе такие душевные качества, как решительность, твердость убеждений, смелость, принципиальность. Читая роман, убеждаемся в том, что талантливая натура «выжила» в «бурях и невзгодах» благодаря тому, что он вырос и сформировался в здоровой крестьянской семье. Неизбалованность, тяжелое детство, трудовое воспитание, примеры уважительного отношения к старшим – качества героя, сформированные бытом эрзян, для которых труд являлся одним из наиболее значимых критериев благополучия.

В романе-трилогии детерминируется галерея мужских и женских образов, помогающих правильно оценить и осознать значимость народного художника, осмыслить его национальную составляющую, выразить народность творчества. Гендерная панорама героев романа, их образность помогают писателю глубже, четче, полнее

осознать важность текущего момента происходящего. Именно образы мужчин и женщин «вырисовывают» фигуру великого скульптора во всех ракурсах, они помогают осмыслить не только социокультурные явления в жизни мордовского народа, но и все нюансы художественного отображения характеров персонажей.

С первых страниц произведения художественно-биографические образы реалий национальной жизни «свободно и густо» входят в роман. Романист как бы неторопливо рассказывает о малочисленном селе, в котором проживают эрзяне, показывает трудовые будни селян, их проблемы, чаяния, заботы. В этом читатель чувствует специфические оттенки национального быта, характерные для всего мордовского народа. Одна из важных особенностей творчества К. Абрамова заключается в том, что писатель создает ощущение времени и пространства, судьбы личностей сквозь призму национальной константы. Автору удалось, как никому другому, воссоздать и охарактеризовать обобщенный образ эрзянского народа, который он так любил и почитал.

Проблема влияния мужских и женских образов на становление профессионального творчества главного героя интересна и сложна. В романе представлено множество социальных коллизий, в которых «главную скрипку» играют мужские и женские образы. Причем, К. Абрамов как бы подчеркивает мысль о том, что именно люди, с которыми сталкивался Степан Нефедов, ориентировали, обучали, подавали пример, помогали ему духовно и материально.

Национальная константа в романе подвижна, поскольку для понимания истинно «народного зерна» произведения необходимы не только общие комментарийные рассуждения, но аналитическое осмысление национального своеобразия в социально-историческом, духовно-прагматическом аспектах. Писателю в трилогии удалось нарисовать целую галерею гендерных портретов, в которых отражены как общенациональные, так и специфические национальные характеристики. Можно предположить, что в основе художественного мироединства в романном мышлении лежит диалектика, отразившая общечеловеческое, особенно национальное, свойственное герою как полноценному представителю народа, и единичное, индивидуально-конкретное, присущее отдельной личности. То есть, в данном случае, через характеристики персонажей, вкуче составляющих понятие «народ», через понятия «мужчина» и «женщина» писатель высвечивает жизнь и творчество, коллизии главного героя – Степана Эрзи.

В глубоком детстве главного героя понятием «народ» обозначены родители – Марья и Дмитрий, Иваж – брат Степана, его сестра – Фима; Никита-квасник – сельский староста, пастух Охрем, чародей-краснодеревщик дед Охон и многие другие. Образ Степана – центральный, на его фоне происходит освещение всех социальных коллизий романа, отображается все то, чем дышит и живет народный художник. К примеру, глубоко народны образы родителей Степана. Автор с теплотой пишет о суровом характере Дмитрия, о скрытой женской нежности и хозяйственности его жены. Зримо писатель представляет нам отца Степана следующим образом: «За столом, против переднего окна, сидит хозяин – Дмитрий Нефедов. Он еще довольно молод, лет двадцати семи. На его загорелом лице курчавится светлая короткая бородка, густые волосы подстрижены в “кружок”. Он одет в длинную поношенную холщовую рубаху, с вышивкой красной шерстью по вороту и концам рукавов» [Там же, с. 9] Но уже в конце третьего тома, спустя много лет, благодаря приемам контрастности перед читателями – усталый, немолодой человек, изможденный непосильной ежедневной работой и трудностями быта мужчина. «Это был настоящий старик. Курчавая, когда-то светлая борода, потемнела, поредела, висела сивыми космами и уже не блестела как прежде. Некогда широкие плечи теперь опустились, обвисли, спина сутулится. Через открытый ворот рубахи виднелась запавшая костистая грудь...» [Там же, с. 494]. Жалость и сострадание сквозят в данных строках. Автор вместе с героем сочувственно «оглядывает» изможденного старика, не по возрасту рано постаревшего, с «запавшей грудью» и истрепавшегося непосильной работой. Динамика осмысления мужского образа усиливается эмоциональностью описания: «...Густая борода отца... заметно посерела от множества седых волос. Глаза ушли глубоко под лоб, как-то странно округлились и смотрели растерянно и неуверенно. Смуглый лоб покрылся сетью морщин... Спина опустилась...» [Там же, с. 93]. Характер Дмитрия Нефедова автор раскрывает на протяжении всего произведения. Так, по поступкам можно судить о личностных свойствах отца Степана. С одной стороны, это немногословный, очень сдержанный, неэмоциональный персонаж, даже замкнутый, с другой – автор показывает его решительность, суровость, твердость. Так, во время спора Дмитрия с Никитой-квасником, который заставлял его сына, Иважа, практически бесплатно пасти скот, «Дмитрий решительно стоял с косою в руке, готовый на все...». И далее К. Абрамов описывает женскую реакцию Марьи на поступок мужа: «За все время жизни с мужем, она еще не видела его таким, как сегодня, когда он стоял перед толпой мужиков, сильный и смелый. ...Так, значит, мягким он бывает лишь с ней, или когда нет повода показать свой характер!» [Там же, с. 32-32].

С большой любовью и заботой отражается в романе образ матери Степана. Кто, как не она вложил в душу ребенка зерна национального самосознания, кто, как не она воспитала в мальчишке то самобытное, родное, народное, которое так ярко и незабываемо раскрылось в будущем в произведениях мордовского гения! Образ матери-эрзянки в произведении является обобщающим. В нем К. Абрамов воплотил все те позитивные качества, которые свойственны женщине из народа, женщине, выросшей на родных исконных корнях, впитавшей в себя мудрость своих предков.

Мать С. Эрзи отображена романтически, то есть, несколько иначе в отличие от молчаливого, хмурого, степенного отца, она – «на год моложе мужа, высокая, бойкая, торопливо возится в предпечье (чуланчик перед зевом печи), готовит запоздавший завтрак», – знакомит нас К. Абрамов с героиней [Там же, с. 9]. Автор представляет на суд читателя лиричный, не только социальный, но и психологический портрет Марьи; мастерски, с глубокой симпатией, с любовью вырисовываются им художественные детали, характеризующие данный облик: «Голос у Марьи чистый, грудной. Ее темные длинные косы пропущены через берестяную коробочку,

прилаженную на голове, и собраны сзади не шее. Рубашка у Марьи... с вышивкой на груди, рукавах и по подолу. Холщовые портянки... заправлены тонкими оборонами аккуратных лаптей из желтого лыка...» [Там же, с. 10].

Романист любит героиней, он умело преподносит характеристику героини через ее действия, поступки, манеру держаться, мысли. К примеру, женщина у эрзян при постороннем человеке всегда должна быть с пулаем – элемент одежды, который женщины носили на поясице. (Без пулая мордовские женщины не должны показываться на улице при посторонних.) Женщины даже в поле работали в пулаях, чтобы никто их не осудил. Так, Марья, когда жала ряды в снопы в поле, а рядом был Охон, не смела снять тяжелый пулай: «Поясица под пулаем и вся спина у нее взмокли, рубаха прилипла к телу... Все тело разломила, тянет этот пулай к земле, силушки моей нет» [Там же, с. 13]. Отличительной чертой любимой героини К. Абрамов считает трудолюбие. Реалистически и образно в романе показано, как Марья на последних днях беременности все еще рвется молотить хлеб. «Она молотила до середины дня... разве Марью удержишь без дела» [Там же, с. 14]. И далее: «Жарко. Над полем нависло марево... Марья жнет, жнет, выпрямится на минуту, скрутит перевясло и снова наклоняется, преодолевая нестерпимую боль в поясице» [Там же, с. 33]. Писатель акцентирует внимание и на творческой составляющей женщины, подчеркивая, что «Марья – мастерица вышивать. Многие баевские девушки учились у нее. И холсты Марья умела отбеливать лучше других. Ее рубахи всегда отличались белизной и яркостью вышивок» [Там же, с. 51]. Автор как бы с сожалением подчеркивает, что, возможно, при других жизненных обстоятельствах Марья Нефедова была бы хорошей художницей, но она так и осталась в памяти аудитории лишь сельской мастерицей по изготовлению холщовой одежды.

Бытовые сценки в произведении пунктирны, в них задействованы как мужские, так и женские персонажи, усиливающие национальный колорит. Так, как бы мимоходом, через образ Марьи, читателем постигается информация о том, в каких условиях жила семья. К примеру, – «спали они (Нефедовы) на соломе». Или: «Марья постелила себе на коннике... и с удовольствием вытянулась на тюфяке, набитом соломой...» [Там же, с. 56].

Мужские и женские образы в романе органично дополняются и характеристиками других, малозначительных, на первый взгляд, персонажей. Это – мать Марьи (бабушка Степана). В небольшом отрывке К. Абрамов мастерски передает колоритность ее внешнего вида: «...Высокая шестидесятилетняя старуха в зипуне из черного домотканого сукна и в таком же платке. Несмотря на преклонный возраст, она носила пулай, отчего казалась полнее, чем была...» [Там же, с. 36]. И хотя конкретного описания портретных характеристик нет в отображении персонажа, тем не менее, читатель «видит» ее, «ощущает ее причастность» к народному («пулай», «домотканное сукно», «зипун», «преклонный возраст»). Казалось бы, мимолетный образ, но сколько разноплановой информации сумел передать через него автор!

Не менее колоритен и образ соседской бабушки: «На лавке у стола сидела старуха. Ее темное лицо избородили глубокие морщины. Платок, повязанный поверх невысокого кокошника, опущен до бровей» [Там же, с. 20]. Как и в предыдущем фрагменте писатель в двух строках представляет аудитории полновесный портрет женщины, не говоря, причем, ни о характере, ни о фигуре, ни о чертах лица. Автор, не касаясь физиогномических подробностей, пунктиром настолько емко обрисовывает героиню, что перед читателем зримо предстает портрет эрзянской женщины. И в данном случае встречаемся с излюбленным приемом К. Абрамова – «мазками», точечными штрихами, позволяющими полноценно представить образ героев.

Огромное внимание придется К. Абрамовым проблеме гендерной семейной субординации. Так, заслуживает пристального внимания то, как К. Абрамов описывает на примере семьи Нефедовых взаимоотношения в эрзянских семьях, отличающиеся взаимоуважением, скрытой любовью, терпением друг к другу. Данные критерии семейственности идут из глубины веков мордвы, проецируются на детей, служат им реальным положительным жизненным ориентиром. К примеру, уважение и почтение жены к мужу, мужа к жене как бы вскользь описываются в романе следующим образом: «Дмитрий подошел к... деревянному ведру, ... через край плеснул себе на ладонь воды. Марья вынесла из предпечья полотенце, подождала, пока муж вымоет руки, и подала ему» [Там же, с. 100]. Или когда Марья была беременная, муж не брал ее в поле, «сам доил корову». Недаром Бабка Орина – соседка – говорит Марье: «Дмитрий у тебя хороший, не как другие мужья, вон как доглядывает за тобой» [Там же, с. 27]. Лишь настоящий писатель может угадать, прочувствовать то, что чувствует женщина. К. Абрамов пронзительно, глубоко, но без прикрас, простым языком в диалоге героини с Охоном говорит об истинной, настоящей любви жены к мужу: «Дмитрия надо уметь понимать. Лучше Дмитрия человека не найдешь!..» [Там же, с. 170]. Прозаик поэтизирует личные чувства героев – мужчин и женщин, умело используя для художественной выразительности речевые особенности монологов, диалогов персонажей, их внутреннее психологическое состояние, поведение в быту, в работе. Эрзяне были скупы на ласки. Но автор, описывая взаимоотношения в семье Нефедовых, замечает в тексте: «Марья поймала взгляд мужа: – Что так смотришь, аль без пулая я не так хороша? – Дмитрий промолчал... Чего болтать попусту. Марья для него всегда самая лучшая. Об этом он ей никогда не говорил и, конечно, не скажет. Разве такое можно...» [Там же, с. 15]. Несомненно, образ Марьи Нефедовой является одним из наиболее любимых и понятных автору. Создается впечатление, что он является прототипом матери автора романа. Хронологически описывая жизненные перипетии главного героя, писатель развивает женский образ, отражает его в динамике повествования. Так, в роман-трилогию К. Абрамов умело вкрапливает отражение прагматичности философии жизни Марьи. Женщина-труженица, привыкшая всю жизнь работать и беречь заработанное, с тревогой и удивлением смотрит на сына, который, по ее мнению, не обладает крепкой крестьянской хваткой, так необходимой для проживания в деревне. Марья, привыкшая к размеренному образу жизни, к классическим мордовским правилам семейственности и укладов, с тревогой поучает сына: «Живешь ты, сын мой, по-птичь. О завтрашнем дне не думаешь... Человеку так жить нельзя. Целый месяц я наблюдала, как ты каждый день давал кому-нибудь займы, но не было за все время случая, чтобы кто-то, хоть один, вернул тебе долг» [Там же, с. 235].

Таким образом, отображая мужские и женские образы, писатель на всем протяжении романа как бы подчеркивает следующее: Гений Степана Эрзя – это не только талант, данный свыше, не только его личные качества; мастерство художника во многом обусловлено той атмосферой, бытом и отношениями, которые с рождения Степана царили в семье Нефедовых; характер Степана формировался под непосредственным влиянием человеческого окружения, социальной гендерной среды, сформировавшей в нем задатки народного гения.

Таким образом, в произведении К. Абрамова позиционируется следующее: поиски духовно-нравственных начал в жизни выдающихся личностей базируются на многоаспектном отображении спектра различных персонажей, с помощью чего открываются огромные творческие горизонты для отображения и осмысления самобытности героя, всего народа. Писатель, выросший в эрзянской глубинке, привязан к своему народу, к этноментальным истокам. Вследствие этого, социально-культурной основой для этнической стилистики, в данном случае, является национальное сознание мордовского романиста, этноспецифическое мировидение; формой же данного явления служат как стилевая систематика (причем, разных дисперсионных структурных уровней – от сюжетной линии, композиционного построения до конкретного тропа), так и герои, воплощающие в своей основе национальную сущность. Являясь зеркальным отображением многообразия реальной действительности, образы мужчин и женщин включают в себя то идейное воплощение, в котором высвечивается своеобразие романа. К. Абрамов на протяжении всего романа словно подчеркивает мысль о том, что данные образы являются приоритетными факторами как для раскрытия сущностных этнических параметров отраженной действительности, так и для становления, развития профессионального творчества главного героя. Гендерный ряд персонажей помогает читателю четче уловить ту социокультурную атмосферу, то время, в котором жил, творил, совершенствовался знаменитый мордовский скульптор Степан Дмитриевич Эрзя.

Список литературы

1. **Абрамов К. Г.** Собрание сочинений: в 7-ми т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. Т. 3: Степан Эрзя: Биопр. Роман. Кн. 1 и 2 / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова, Ю. Галкина. 526 с.
2. **Шеянова С. В.** Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 284 с.

THE LITERARY UNDERSTANDING OF MALE AND FEMALE IMAGES IN K. ABRAMOV'S NOVEL "STEPAN ERZYA"

Antonova Vera Ivanovna, Doctor in Philology
Golyakov Andrei Nikolaevich
N. P. Ogarev Mordovia State University
belkich@rambler.ru

The article actualizes one of the most interesting and challenging but at the same time little-studied problems in the Mordovian literature – the problem of the literary understanding of male and female images in the novel trilogy “Stepan Erzya” of the famous Mordovian writer K. G. Abramov. The aim of the study is to identify the organic correlation, the interdependency between the categories of “male and female images” and “national identity”. The authors emphasize that the scrupulous, careful attitude of the writer to the male and female characters intensifies the effect of “national constant” (ethno-mental, social-cultural background of the depicted time) of the work, which is the priority factor in the dynamics of the main character’s professional development, the national identity of his creative work; it allows the writing talent to appear clearer in social-cultural space of the Mordovian prose writers’ creative work.

Key words and phrases: gender sequence; idea; people; national constant; image; novel trilogy; Erzya.

УДК 821.161.1

Автор статьи, отталкиваясь от традиции русской литературы передавать чувства человека через природу, рассматривает в цикле миниатюр Б. Н. Сергуненкова «Тысячелистник» образ лирического героя, внутренний мир которого тесно связан с миром природы. Делается вывод о том, что лирический герой в цикле пейзажных миниатюр Б. Н. Сергуненкова, вступая в диалог с природой и с самим собой, предстает в разных формах: он может выступать как персонаж и как скрытый повествователь.

Ключевые слова и фразы: лирический герой; цикл; персонаж; повествователь; пейзажная миниатюра.

Баймиева Вера Юрьевна, к. филол. н., доцент
 Уфимский юридический институт МВД России
 vera.baimieva@mail.ru

ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ЦИКЛЕ Б. Н. СЕРГУНЕНКОВА «ТЫСЯЧЕЛИСТНИК»

В русской литературе существует давняя традиция передавать чувства человека через природу. Наиболее четко она стала проявляться в XVIII веке. Ярким примером этому является сентиментальная повесть